

Проблема возможного изменения Конституции РФ в контексте становления послевоенного режима Комментарий эксперта, 10.06.2025

Норайр А. Дунамалян¹

С февраля 2025 г. в эфире некоторых российских пропагандистских ток-шоу внезапно начали обсуждать необходимость полной смены Конституции РФ редакции 1993 г., учитывая те политические изменения, которые произошли после 2022 года. Конечно, такую активность можно связать с зондажем общественного мнения по этому поводу, но нельзя исключать и наличия политического решения принять новую конституцию после «победы» над Украиной. С другой стороны, Конституция 1993 г. чисто политически и символически является результатом короткой «гражданской войны» в сентябре-октябре 1993 г. между президентом РФ и существовавшим на тот момент Верховным Советом, окончившейся победой исполнительной власти. Исходя из этого, принятие нового Основного закона может быть представлено как этап «национальной консолидации» и отказа от наследия внутривластного раскола.

Конституция 1993 г. часто оказывалась в центре критики со стороны различных политических кругов России. Так, либералы критиковали Основной закон с точки зрения чрезмерных полномочий президента и фактического закрепления формы президентской республики, хотя формально Россия всегда оставалась полупрезидентской. Консерваторы всегда подозрительно относились к «либеральным» статьям Основного закона о правах человека, свободе слова и т. д. Тем не менее, Конституция РФ всегда была проблематична с точки зрения, в первую очередь, легитимности ее принятия, так как ни в 1993 г., ни в 2020 г. не было организовано референдума, который бы имел конкретные нормы проведения – явка более 50% и более 2/3 голосов «за». Вместо этого дважды проводилось не имеющее юридической силы т. н. «всеобщее голосование», для которого не нужно было создавать специального конституционного органа. Кроме того, этот учредительный документ формировался под определенный тип власти и транслировал в себе все особенности эпохи становления демократической России, отразившиеся в несбалансированности отношений исполнительной и законодательной властей, а также тлеющем конфликте между федеральными и региональными элитами.

Вопрос смены Конституции за 30 лет ставился не раз, но наиболее масштабные изменения в основной закон Федерации были внесены в 2020 году. Однако и в этом контексте власти не пошли на полную смену Конституции, хотя политический контекст уже в этот период начал стремительно меняться. Именно поэтому возникает вопрос: насколько целесообразно принимать новую конституцию после недавних поправок 2020 года?

¹ Кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Российско-Армянского (Славянского) университета. Автор более 15 научных работ и статей.

Смена контекстов до и после 2022 г.

Политические изменения в России нельзя представлять в качестве линейной логики, ведущей к определенному исходу. В 2020 г. конституционные поправки были направлены на повышение лояльности российских элит («национализацию элит») и укрепление связки между исполнительной и законодательной властями, что, на первый взгляд, проявлялось в уравнивании полномочий правительства и Федерального собрания, однако не отражало политической реальности. В действительности, фигура президента В. Путина выдвигалась за рамки взаимодействия этих двух органов, а общее руководство над ними осуществлялось через другие формальные (Совет безопасности или Госсовет) и неформальные институты. К этому можно добавить чисто технократический характер правительства во главе с М. Мишустиним после 2020 г., а также лояльность Госдумы и Совета Федерации. Иными, словами, именно в этот период происходила консолидация политического режима, которая должна была повлиять и на внешнеполитические позиции с точки зрения укрепления суверенитета России.

Новшеством поправок 2020 года стали две тенденции, которые в дальнейшем стали еще более углубляться. Несмотря на то, что Конституция запрещает «государственную или обязательную идеологию», конституционные изменения внесли такие элементы как «традиционные ценности», «объединение тысячелетней историей», «защиту исторической памяти» и «веру в Бога», которые могут трактоваться в качестве идеологических установок. Другой тенденцией стала продолжающаяся централизация власти в руках президента в контексте влияния на судебные органы (назначение генпрокуроров и судей при консультации с Советом Федерации). Последовавший после принятия конституционных поправок фактический запрет «внепарламентской оппозиции» также стал следствием этой тенденции. Однако стоит отметить фрагментарность консолидации режима после внесения поправок в 2020 г. (кроме воспроизводства власти президента страны напрямую, изменения мало чем повлияли на жизнь простых граждан) и более системного продвижения преобразований после начала военных действий на Украине в 2022 году.

В широком смысле война на Украине стала симптомом (но не следствием) перемен в социальном и политическом дискурсе в России и, в то же время, усилила обсуждение об уникальности цивилизационного пути РФ, что вылилось в закрепление концепции «государство-цивилизация» и принятия отдельного [закона](#) о «традиционных российских духовно-нравственных ценностях». Разрыв с «коллективным Западом» сводил идеологическую базу действий российских элит к выбору уникальной модели развития, что должно было отразиться и в официальных документах. Так, концепт «государство-цивилизация» уже присутствовал в Концепции внешней политики РФ от 2023 г., хотя для отражения особой геополитической роли России необходим был более комплексный и системный документ.

Институционализация уникальности

Волна критики существующей российской Конституции, поднятая вследствие конфронтации с Западом и осмысления собственной уникальности, поднимала несколько вопросов: 1. Конституция принималась в качественно иных политических условиях, которые сегодня отсутствуют; 2. статьи Конституции о правах и свободах человека как высших ценностях, о муниципальном управлении и запрете идеологии заведомо воспринимались в качестве прозападных и либеральных; 3. поправки 2020 г. лишь частично придали Основному закону консервативный характер. В 2023–2024 гг. в сфере среднего и высшего образования, а также в информационном пространстве, началась апробация новых идей об уникальности России на международной арене и ее особой цивилизационной идентичности. Экономический аспект такой самостоятельности был выражен в стабилизации ситуации в условиях санкционного давления и относительном успехе в этой сфере. С другой стороны, Россия смогла избежать полной международной изоляции, наладив реэкспорт товаров по линии ЕАЭС и развивая альтернативные западным форматам БРИКС+ и ШОС. На данном этапе пришла очередь политико-правового оформления уникальности.

Видимо, для руководства РФ важно отобразить в основном законе страны образ обновленной России, возвратившей себе статус великой державы и геополитического полюса, поэтому необходимо отказаться от всех «зависимостей» либерально-демократического прошлого и в т. ч. – от самой Конституции 1993 года. Уникальность российского пути должна исходить из конкретной идеологии, закрепленной в учредительном документе, как это сделано, например, в Китае или Турции. Какая же идеология может стать основой для новой конституции?

Если в советский период марксизм-ленинизм и вытекающие из него концепты могли стать основой для влияющей на все сферы жизни идеологией, то в современной России не существует реальной базы (как социокультурной, так и политической) для создания какого-либо консолидирующего политического учения. В этом смысле даже эксперты, обслуживающие государственную пропаганду, не могут однозначно определить культурную, религиозно-конфессиональную или цивилизационную основу «традиционных ценностей» и их совмещение с политико-правовыми категориями. Так, акцент на православии, с одной стороны, противоречит еще одной статье Конституции о светскости государства, а, с другой, вносит лишнюю напряженность в отношениях между конфессиями внутри России. И подобных противоречий в Конституции РФ довольно много.

В очередной раз происходит попытка сформировать идеологию сверху, пытаясь создать химеру из различных абстрактных категорий и понятий, касающихся ценностей, которые не обладают особой уникальностью. К тому же для полного реформатирования Конституции необходим значительный интеллектуальный потенциал, который сможет связать многие противоречивые смыслы в рамках уникальной конструкции российской государственности, отличающейся от западных образцов.

Поствоенные перспективы и проблема преемственности

Переформатирование политической системы России может включить период с 2026 по 2036 гг., который представляет последнее десятилетие правления президента В. Путина. В этом контексте для российских элит будет важным сохранить политическое наследие последних 30-и лет с точки зрения сохранения баланса между отдельными группами российского истеблишмента и придать этому институциональный характер. Однако эти планы зависят от нескольких обстоятельств: 1. времени и условий окончания войны на Украине; 2. вероятности продолжения конфронтации с США или возможной нормализации; 3. внутриэлитного конфликта; 4. социально-экономических изменений. Внешняя политика в этом ряду занимает первое место, поскольку концепция российской уникальности развивалась как противопоставление негативным сторонам «коллективного Запада». Однако резкая смена международного климата из-за возвращения Д. Трампа фактически ведет к «нейтрализации» содержания антизападной риторики, так как сам Запад постепенно идет по пути «делиберализации».

С другой стороны, идеологизация Конституции может способствовать более плавному транзиту власти в будущем, подготавливая граждан РФ к новой политической реальности. Главным вопросом остается вектор развития страны и поиск внутриэлитного консенсуса. После 2022 г. «национализация элит» начала проявлять себя как в ценностном (резкий спад влияния внутривластных либералов), так и в экономическом (переход западных активов в руки российских монополистов вроде Ротенбергов и Ковальчуков). К тому же появилась тенденция включения в политический класс России лиц, прошедших войну на Украине (это уже проявляется в назначении в местные органы самоуправления и в партийную структуру). Иными словами, Кремлем проводится попытка строить элиты не «по интересам» (в основном, бизнес-интересам), а «по ценностям и убеждениям». Такая структура видится довольно хрупкой, поскольку представители бизнеса и госкапитала внутри элит могут сопротивляться такой инициативе, что может привести к конфликту с силовиками. Исходя из этого, технический (Администрация Президента, Правительство) и юридически-силовой (Прокуратура, Следственный комитет) блоки элит будут стремиться законодательно оформить сложившееся после войны положение, отметив исключительную роль ветеранов «СВО». Эти аспекты могут быть представлены в новой конституции, однако до сих пор нет системного идеологизированного взгляда на социальную и политическую жизнь поствоенной России. Сплав из идей русского царизма, сталинской эпохи и православия не может представлять единой концепции.

Тем не менее, важнейшим индикатором смены Конституции может быть принятие федерального закона о Конституционном собрании – органе, статус которого, несмотря на упоминание в Основном законе, не был закреплён. Собрание необходимо для пересмотра всей Конституции, но подобной процедуры в российском законодательстве пока нет.

Что касается конкретных изменений, то они могут затронуть следующие аспекты: признание государства (Отечества, Родины), а не человека, в качестве высшей ценности; включение положения о принадлежности недр народу; отмена статьи о запрете идеологии и более консервативная трактовка статей, связанных с социальными, культурными и историческими категориями. В вопросе формы правления возможен окончательный отход к президентской республике, аргументом чего может стать усиление систем сдержек и противовесов и большая автономия Федерального собрания. Нельзя также исключать перемен в изменении структуры территориального устройства России, где уровень автономии регионов и муниципальной власти может продолжать падать.

Конституция как инструмент внешней политики

Во всяком случае, вероятность всех этих изменений зависит от внешнеполитических условий, которые будут определять границы дозволенного для российских элит. Углубление интеграции с глобальными игроками может вести к свертыванию планов по фундаментальной «суверенизации», но, в то же время, РФ может занять более взвешенную позицию по отношению к США и Китаю. В обоих случаях радикализация политического дискурса выходит за рамки возможных планов российских элит, стремящихся «остаться на плаву» в условиях растущей конфронтации между Вашингтоном и Пекином.

Смена Конституции РФ может ознаменовать долгий процесс «восстановления» после распада СССР, когда Россия вновь сможет считать себя полноправным членом клуба великих держав. Тем самым, конституционные изменения могут восприниматься в качестве акта суверенности государства как в идеологическом, так и в социально-политическом плане. Во многом, такая логика событий может иметь, прежде всего, символический характер обретения «независимости» от глобалистского влияния.

Вместе с тем, продолжение политики «суверенизации» через новую конституцию способно стать формой институционального обоснования внешнеполитического курса России, основанного на идее многополярности и отказе от универсализма западных норм. Основной закон, сформулированный в терминах уникального цивилизационного пути, может стать не только внутренним политическим документом, но и внешним сигналом странам-партнерам и противникам: Россия больше не рассматривает себя частью правовой и ценностной системы Запада. Это особенно важно в условиях укрепления альянсов вне западного мира – таких как БРИКС+, ШОС и формат «Север–Юг» – где идея национального суверенитета и отказ от либеральной модели служат общей идеологической платформой.

Таким образом, Конституция может превратиться в элемент внешнеполитического позиционирования, подкрепляя заявления о независимости через закрепление концептов, соответствующих новой геополитической реальности. Прямое влияние таких изменений может проявляться в международно-правовой риторике России, трактовках международных обязательств, интерпретации суверенитета и прав

человека, а также в легитимации решений по взаимодействию с международными организациями или отказу от них (намек на это уже был в конституционных поправках 2020 г.). В этом контексте основным вызовом станет баланс между стремлением к *«идеологической автономии»* и необходимостью сохранения гибкости в сложной и меняющейся внешнеполитической среде.